

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
ТРИ КАРТИНЫ ИЕРОНИМА БОСХА.....	13
Русалка.....	13
На перекрестке.....	20
Инквизитор.....	23
ГОЛОВА.....	28
ЙОНАС БОРГ, МИЗАНТРОП.....	39
МАНУСКРИПТ ХУАНА СЕРРАНО.....	64
«И ЮНЫЕ КОСТОЧКИ ПЛЯШУТ...».....	92
СЛУЧАЙ С ЛЕЙТЕНАНТОМ ИНФАНГЕРОМ.....	112
МАРИНЕШКУ.....	127
ГРОБНИЦА НА ПЕР-ЛАШЕЗ.....	155
ПРОЛИВАЯ КРОВЬ.....	187
ШЕСТОЙ ЗА СТОЛОМ.....	207
СКВЕРНАЯ МОНАХИНЯ.....	223
ЛАЭРТ.....	259
БОГОМИЛЬСКИЙ КАМЕНЬ.....	273
ЗАКЛИНАТЕЛЬ ТЕНЕЙ.....	279
У БУШМЕНОВ.....	308
ОТДАЧА ВОЛИ.....	319
АВГУСТОВСКАЯ ПУЩА.....	333
ТРИУМФ МЕХАНИКИ.....	354
АВТОМАТ ХОРНЕКА.....	368
МЕЙСТЕР ЙЕРИХО.....	379
АГНЕЦ НА ЗАКЛАНИЕ.....	391
БУНТ СЛЕПЦОВ.....	404

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой Карл Ханс Штробль!
В то время, в апреле 1915 года, когда состоялась наша первая встреча, мы еще не были знакомы лично. Мы переписывались на протяжении практически десяти лет, но в том году впервые встретились лицом к лицу. В то время я пребывал в главном штабе сухопутных войск в Жолне — туда нас перевели из Тешена. Предчувствие грядущих тягот войны витало в воздухе и заставляло военных корреспондентов вроде меня изо дня в день строчить ответы на вопросы солдат, горожан и командования.

Коренастый, хорошо сложенный турист сошел с венского экспресса, привезшего и нас в Жолну. Фото, конечно, не передавало всей грандиозности вашего облика — светлая борода, мощное сложение. Наша журналистская «бывалая» братия, разодетая в строгие светские костюмы, с понимающими улыбками реагировала на вашу полную армейскую экипировку — как на проявление наивности всякого начинающего военкора, полагающего, что первым же днем отправится прямо на линию фронта.

Что ж, вскоре мы поняли, что для вас, любителя пеших прогулок по природе, высокие армейские сапоги и потертый бушлат — не экипировка, а светский костюм, причем на диво удобный в использовании. Не-

утомимый дух путешественника в свое время провел вас по самым грязным трактам Галиции, вознес к одиноким сторожевым башням высоко в снегах Альп и заставил преодолеть бездорожье и замерзшие пустоши албанских гор — те края, где нет указателей, и лишь слепой либо насквозь первобытный человек способен хоть как-то ориентироваться без дрожи. Городские кварталы, что для большинства — желанная гавань отдыха, для вас всегда были лишь отправной точкой для новых приключений на просторах Словакии. Когда немецкие военные колонны начали проходить через Жолну, американских военных корреспондентов как раз отправили на словацкую базу в Надьбички; остальные изнывали от желания оказаться там же — но вы, друг мой, сохраняя невозмутимость духа, трудились в своей комнате наверху в старом замке, превращенной вашими стараниями в самую настоящую писательскую мастерскую. И при этом, довершая второй том вашего «Бисмарка», вы умудрились не забывать регулярно навещать ближайшие хорошие винные таверны!

Но мировая историческая буря, разрядившая всеобщее напряжение громом, молнией и бряцаньем стали, набирала обороты. Нас созвали к специальному поезду, усадили в самый последний вагон и велели сидеть тихо — но вы, я и еще один американский лихач все равно взяли за походные винтовки и прямо на ходу состава умудрились сшибать с молодых весенних деревьев почки. «Лузитания» затонула, а форт Конджер рапортовал о том, как в безупречно голубом мировом небе собираются странные облачка. Через два года им было суждено перерастить в новую мировую бурю. Какое нам было до всего этого дело! Да, мы одержали победу! Вы, со своей стороны, не участвовали в тех первых кампаниях осени и зимы, когда мы прятались по отдаленным уголкам, как напуганные цыплята, и каждый раз вздрагивали от возвещающего о судьбах войны барабанного боя. Именно тогда мы отправились из Дуклы к Высоким Татрам, затем сно-

ва со штаб-квартирой через Карпаты обратно в Сандец, и после разочарования в Сербии нас отбросило обратно в Словакию, где и начался беспокойный зимний сон. До тех пор вы смотрели на мир со сторожевой башни своей лейпцигской редакции, и вот теперь захотели вернуться на родину, в Австрию, и отправились туда весной — с победным маршем.

Позже, по стечению обстоятельств, фронт разлучил нас. Но потом, по возвращении с полей сражений, мы снова встретились в штабе. То был хороший вечер — свободный от всех ужасов войны, от ее смертоносных чар. Вы, Карл Ханс Штробль, сидели тогда за роялем, слегка расставив сильные свои ноги, совсем как великий мастер Готфрид Келлер на гравюре Штауффера-Берна. Вы играли отменно, и вино не путало вам ноты, а наоборот, обостряло чутье к гармонии. Что и говорить, в мастерстве принять на грудь вам не было равных — ибо студенческие годы в Праге вооружили вас и со временем сделали невосприимчивым даже к дешевому пиву. Об этом мы узнали из трех ваших первых романов — книг о пылающем сердце и о том, каково это — быть молодым и требовательным. Хирург считает, что ваше сердце не совсем в порядке — что может хирург знать о сердце поэта? Его подпитывают все проявления жизни, и оно никогда не стареет!

Я часто спрашиваю себя, откуда у вас столько времени, чтобы писать? Кажется, что ваш день расписан по минутам — вне зависимости от того, какую должность вы занимаете: водителя, редактора или военного корреспондента. И тем не менее уже больше тридцати книг вышло из-под вашего пера, и по всему миру в общей сложности разошлось более ста тысяч экземпляров. Не все, что вы пишете, можно измерить одинаково — но все исходит из источника, кажущегося неисчерпаемым. Без стеснения «профессионального литератора» — можно ли придумать участь хуже! — вы выплескиваете на бумагу страстные и странные фантазии. Порой это нечто веселое и непри-

нужденное, порой — подлинно историческое и пронизанное тонким знанием вех цивилизации, иногда — как в случае с «Лемурией» — это что-то темное и опасное, сущий пандемониум. Первый период вашего творчества начался еще полвека назад. Ваши студенческие годы до сих пор, как я упомянул, откликаются в трех романах: «Трактир Вацлава», «Ущелье Щипка» и «Королевская таверна в Перемышле». В этих текстах нет ничего особенного. Сотни романов начинаются одинаково. Но что удивительно в этих трех романах, так это атмосфера минувших времен — проработка деталей, придающая им чуткую достоверность. В то время вы учились в Праге, и между чехами и немцами развязалась кровавая борьба. Вы, коренной и лояльный немец, естественно, встали на сторону Германии, и все же — до чего объективно вами воспринят тот конфликт! Ваш темперамент особо бросается в глаза, но в ваших ранних книгах нет ненависти, обычно присущей горячо и радикально видящей все и вся молодежи. Вы всегда чтити доблестную дуэльную традицию, когда мужчины по тем или иным причинам меряются силой; чем мощнее противник, тем выше честь одержать верх — но и проиграть не страшно. С детства вы были в близких отношениях со своими чехословацкими соседями, были знакомы с их историей, их речью, их песнями, их музыкой и их ярким чувством преданности, не впадая при этом в слепую ненависть и не цепляясь за партийные догмы.

Благодаря этому, а также благодаря вашей свежей, неприкрашенной воле эти романы — свидетели Праги, ныне не существующей. Уже одно это ценно — и печатник Штакманн правильно сделал, переиздав их. Они — то, из чего предстоит произрасти таланту истинного Штробля. Финал «Трактира Вацлава» — своего рода квинтэссенция вашего творчества: жизнь во всей ее полноте, радость — прекрасная, страстная и кроваво жестокая; и «Лемурия» воспекает все, что делает жизнь яркой и опасной — сильные эмоции, грубые инстинк-

ты и чувственные удовольствия, жажду знаний и волю к власти. Иная воля даже после смерти ее носителя не ведает покоя — и алчно устремляется в трансцендентный мир идей, возвращаясь оттуда с призраками, вампирами, дьяволами, ведьмами, феями и лемурами.

Чувственная ненасытность превращает русскую дворянку в вампиршу в «Гробнице на Пер-Лашез», а в «Проливая кровь» показано, как дьявол любит мучить людей — особенно тех, кто претендует на святость. Подавленная сексуальность превращает сестру Агафью в «скверную монахиню», и эта «скверна» в ней так сильна, что живет спустя века. Узвленная душа убиенного на подмостках Лаэрта ищет отмщения — и возвращается к роли; жестокая ранняя смерть и любовь призывают студентку Беттину и Заклинателя Теней вернуться из могилы, с той стороны. Границы, определяющие Время, Пространство и Смерть, рушатся в рассказах этого сборника. Время и безвремяе, настоящее и запредельное — все это перетекает друг в друга. Во время своих фронтовых путешествий вы, по собственному утверждению, повидали Ад воочию и побывали с дьяволом на короткой ноге — так что эффект от этих историй жуткий вдвойне, ведь они напоминают свидетельства очевидца. В них самоуверенный бездушный интеллектуализм современного общества сочетается с пугающим состоянием сна разума — и рождает фантом, в коем физика и метафизика сходятся в пугающе равных пропорциях. Похоть, сластолюбие, страсть к выпивке... Проверенные мастера фантазии, Эдгар По и Эрнст Теодор Амадей Гофман, сходятся во мнении, что именно эти необузданные порывы в конечном итоге заводят грешников в лабиринты подлинного кошмара — и такие шедевры, как «Скверная монахиня», «Манускрипт Хуана Серрано» и «Шестой за столом» сравнимы по оказываемому на читателей эффекту с самыми мастерскими и изощренными выдумками этих двух литературных чародеев. Хотя к чему все эти слова — пусть читатель во

всем удостоверится сам! Я же весьма далек от того, чтобы четко сформулировать лейтмотив ваших «ужасных» рассказов. Но в этом литературном направлении вы небывало компетентны, и «Лемурия», равно как и ваш сборник «Хрустальный шар» — явные тому свидетельства. Я рад видеть старого Карла Ханса Штробля в литературном строю — этому фантазеру и сам я, и сто тысяч читателей по всему миру благодарны. Но не менее радостно видеть мне и нового Штробля — моего хорошего товарища в военное (и вскоре, надеюсь, и в мирное) время.

*Леонхардт АдельРодау,
10 мая 1917 года*

ТРИ КАРТИЦЫ ИЕРОНИМА БОСХА

РУСАЛКА

Долговязый Петерс несется назад в деревню, неистово размахивая своими длинными руками — будто в него злой дух вселился. На секунду из окна своей кухни выглядывает супруга пастора. Увидев бегущего вприпрыжку ошалевшего Петерса, она от страха роняет половник. Супруга пастора ждет ребенка. Ее тут же пронзает обжигающий ужас. Смертельно бледная, она опускается на деревянный ящик у очага. Страдая от внезапной режущей боли, одну руку она прижимает к животу, другой же судорожно шарит по стене. Дрожащими пальцами она задевает висящую на гвозде солонку, та падает, и белая соль смешивается с золой из очага. Широко открытыми, полными ужаса глазами она смотрит в пустоту.

Долговязый Петерс тем временем бежит по деревне и громогласно зовет всех наружу. Его ноги будто скачут впереди него, а руки крутятся почище крыльев ветряной мельницы. Его истошный крик вырывается прямо из легких.

Изо всех дверей выскакивают женщины и бегут за ним вслед. Он не сбавляет темпа, пока не обегает все деревенские улочки. Бледный и задыхающийся от усталости, он стоит посреди толпы на деревенской площади.

С любопытством и нетерпением смотрят на него женщины:

— Что случилось? Что такое? Да что же, наконец? Что?..

— Нашли русалку! Рыбаки нашли. На берегу... и она там лежит, и не может уплыть... ее выбросило на берег... у нее рыбий хвост и зеленая кровь... она лежит там... всем нужно пойти и посмотреть на это.

Тогда женщины разбегаются, надевают кто чепцы, кто платки, и уже через пару мгновений целая процессия быстрым шагом выходит из деревни. В самом хвосте, хромая, настолько быстро, насколько позволяют ей ее старые ноги, волочится маленькая, высохшая столетняя бабка Петерса. За руку ведет она своего юного правнука — малыш спотыкается то и дело. Ветер пытается сорвать с женщин платки. Юбки их раздуваются, будто паруса.

С высоты дюны они уже видят столпившуюся группу рыбаков. Те сбились в кучу и что-то разглядывают, не отрываясь. Наконец женщины пробиваются сквозь толпу мужчин и своими глазами видят морское чудо.

Наполовину девушка, наполовину рыба... Маленькое бледное личико с большими голубыми глазами, мечущимися от одного к другому, полные смертельного ужаса. Тяжелые белокурые локоны закрывают плечи. По маленьким выпуклым грудям стекают капли воды.

Вместо ног у девушки тонкий красно-зеленый чешуйчатый хвост. Низ ее живота и весь хвост до самого плавника испещрен мелкими блестящими чешуйками, подогнанными одна к другой плотно, как элементы кольчуги. Внизу, у плавника, можно увидеть страшную рану. Плавник практически оторван. Лишь благодаря какому-то тонкому лоскутку он остается частью целого. Из раны сочится густая изумрудная кровь, окрашивая в зеленый цвет песок вокруг морской девы. Она, должно быть, поранилась об острую скалу, а потом ее, беззащитную, выбросило волной на берег.

Рыбаки, женщины и дети так и стоят вокруг, и смотрят на морское чудо пустыми глазами. Но наконец чары рассеиваются. Что это? Знамение? Как им быть с этим?

Кто-то предлагает положить ее в сети и унести в деревню.

— Нет, только не в деревню! — восклицают женщины. — Нам нужно спросить у пастора! Пусть кто-нибудь приведет пастора!

И долговязый Петерс мчится за пастором. Остальные спорят, перекрикивая один другого. Все задаются вопросом, и никто не знает, что делать. А голубые глаза морской девы по-прежнему полны ужаса. Она неустанно смотрит то на одного, то на другого. Наконец взгляд ее останавливается на Йенсе... Широкоплечий юноша проталкивается в первый ряд. Он ни у кого ничего не спрашивает и никому ничего не отвечает. Он лишь неотрывно смотрит на русалку, лежащую у его ног.

Ее взгляд тоже больше не мечется, теперь он прикован к фигуре юноши. Их взгляды встречаются... и тогда она стыдливо прикрывает тяжелыми локонами свои нежные юные груди. Оба не слышат ничего, хотя гул голосов вокруг не прекращается. Богатей Клаас высказывает предложение забить дьявольское создание до смерти и выкинуть обратно в море. Женщины одобряют, и рыбаки уже направляются к своим лодкам за веслами.

Но тут Йенс нарушает молчание.

— Ее никак нельзя убивать, — говорит он своим глухим голосом. — Я заберу ее к себе и вылечу, а потом отпущу обратно в море.

— Йенс! — восклицает из толпы его мать.

Но Йенсу все равно, что скажут другие. Если пастор учит паству быть милосердными даже к животным, и по-прежнему стоит помогать тем, кто наполовину человек!

Женщины поднимают крик, мать Йенса начинает рыдать.

«Уж пастор-то поймет», — думает Йенс.

— Пастор пришел! — выкрикивает кто-то, и пастор и в самом деле оказывается в кругу толпы. Он очень взволнован — так, что ноги подкашиваются. Руки дрожат, на лбу выступает холодный пот. Его жена дома корчится от мук.

— Что за шум вы подняли? — спрашивает он.

— Это все Йенс! — кричат остальные.

Йенс рассказывает пастору о своем предложении. Пастор усердно трет лоб, собираясь с мыслями, а затем начинает говорить резко и отрывисто. Затея Йенса ужасна. Пастор не допустит такого в своем приходе. Милосердие и любовь к ближнему заслуживают лишь божьи создания. Это же создание, вне всяких сомнений, — порождение Нечистого. Можно накликать беду, принеся ее в деревню.

— Добить ее! Добить! — вопит Клаас, и еще парочка горлопанов вместе с ним.

Пастор, однако, против убийства. Лучше просто оставить эту русалку. Если эта дева с рыбьим хвостом — дьявольское наваждение, то вскоре она просто исчезнет. Если это такая диковинная рыба — то ее унесет прилив.

— А теперь пусть все возвращаются к своим обязанностям! — Сказав так, пастор уходит из круга и широкими шагами спешит к своему дому. Постепенно разбредаются и остальные.

Только Йенс остается на том же месте. Опустив голову, он смотрит на морскую деву. Теперь взгляд ее голубых глаз стал спокойным и умиротворенным. В нем благодарность и доверие. Она знает, что он заступился за нее.

Чья-то сильная рука трясет Йенса за плечо.

— Идем. — Рядом стоит отец. Но Йенс отрицательно мотает головой. Он хочет остаться. Отец сжимает его плечо сильнее. Он уже в ярости. Он грозит сыну... Железными пальцами хватается Йенс за кулак, сжимающий его плечо. Суставы хрустят. Мужчины бурявят друг друга глазами. Но... Йенс видит наверху дюны свою мать. Ее юбка и платок растрепались. Она заламывает руки и причитает.

Тогда Йенс отпускает руку отца и покорно идет назад в деревню. Он чувствует на своей спине прикованный к нему вопрошающий и умоляющий взгляд бедной девушки... но он уходит... дальше... дальше...

Волки чествуют слабое свечение луны. Море волнуется. Его грозная песнь доносится в деревню. Там уже давно по-

гасли все огни. Только в окно пастора сквозь алые шторы льется свет. В маленьком саду тоже посверкивает слабый красный огонек. Кто-то ползет вдоль забора. Это Йенс.

На мгновение он останавливается и бросает взгляд на окно. Он знает, что женщина в этом доме борется со смертью. Сквозь стиснутые зубы он произносит проклятье.

Он уходит из деревни и спускается вниз, к берегу. Там, на песке, виднеется темное пятно... Русалка слышит шаги. С усилием она приподнимает голову. Йенс опускается перед ней на колени и начинает нежно что-то шептать полным сострадания голосом. Он знает, что она не понимает его — но звук его голоса ее успокоит, утешит. Ее маленькие, пылающие жаром ладони утонули в огромных, черных от загара кулаках юноши.

Она начинает петь. Ее голос легок и печален. На каком языке звучат слова? Будто густой туман, закрывающий шпили гор, — так тяжел мотив этой песни, так полон извечной скорби.

Йенс слушает... Он даже не замечает, что по щекам его текут слезы.

Тут он будто приходит в себя. Он ведь принес с собой хлеб и рыбу. Он предлагает ей подкрепиться.

Она мотает головой — и продолжает петь.

Йенс стоит перед ней на коленях и держит ее руки в своих, пока звезды на небе не начинают бледнеть.

Тогда он встает и, взглянув на нее еще раз, произносит: — Я вернусь.

И она понимает его слова. Ее глаза полны умиротворения. Теперь ее взгляд спокоен как дюна, что возвышается над ними. В деревне весь день суета. Легкими, робкими шагами бредут люди к дому пастора, где окна завешены красными шторами и стоит гробовая тишина. Некоторые будто бы слышат сдавленный, спрятанный в подушку стон. В полдень пастор неподвижно возвышается в саду за домом и безмолвно смотрит на полосу моря. В руках у него длинная трубка. Вдруг, словно безумец, он

размашисто ударяет чашей трубки по стеклянному шару, висящему на кусте рододендрона. Мелкие осколки летят в разные стороны. Пастор возвращается домой. Что-то зловещее витает в воздухе.

В доме Йенса с самого утра переполох. От ночного зрителя отец узнал, что Йенс ушел на побережье. Завязалась такая сильная ссора, что Йенс осмелился поднять руку на отца. Юноша толкнул старика, и тот упал, приложившись головой о домашнюю печь. Но, несмотря на глубокую кровоточащую рану, отец таки справился с сыном, уволок его наверх и запер в комнате. А в деревне уже вовсю судачат о несчастной русалке на берегу. Несколько мальчишек уже сбегали к морю и рассказывают, что она так и лежит на песке, неподвижно, с закрытыми глазами. Только по едва заметному дыханию они поняли, что она все еще жива. Они тыкали в нее палками и хотели выбросить обратно в море. Но эту охоту у них отбил один только взгляд на ее мертвенно-бледное лицо.

Но взрослые не столь милосердны. Они обвиняют морскую деву во всех несчастьях, обрушившихся на деревню. Богач Клаас снова призывает всех умертвить отродье дьявола. А вечером по деревне разлетается весть, что супруга пастора разродилась мертвым ребенком с большой водянистой головой. На его уродливых ножках красным и зеленым переливалось нечто похожее на плавники. Женщина тоже была обречена.

Людей охватывает ярость. Они готовы немедленно спуститься на берег и убить ту, что повинна во всех местных бедах. Но опускается ночь, и от моря несет таким холодом, что смельчаки решают... ну его... завтра, на рассвете, они с ней управятся.

Как только вся деревня погружается во тьму и ни в одном окне не видно огонька, кроме скорбного мерцания свечи за красными шторами пастора, Йенс выбирается из своей комнаты. Бесшумно, как кот — разве что широкие плечи не сразу протиснулись в оконную раму, — Йенс высовывается из окна и спрыгивает на

траву у дома. От резкого толчка он припадает на четвереньки, но тут же выпрямляется. Проходя мимо дома пастора, он вдруг сжимает кулаки и снова цедит сквозь зубы проклятье.

Русалка знает, что он придет. Она нежно притягивает его к себе. Йенс целует белые губы и впалые глаза.

Она снова поет. Снова ее песнь нависает тяжелым туманом, а море шумит в такт. Но туман начинает рассеиваться. Ее песнь делается чистой, отливающей золотом. Солнечный свет опускается на волны прибоя, и они становятся все тише, все спокойнее... море спит. Русалка берет Йенса за руку и притягивает ее к себе. Сквозь покров густых белокурых локонов эта огромная рука, предназначенная для тяжелой работы, нежно опускается на трепещущую девичью грудь.

Йенс чувствует слабое биение сердца. И чем оно слабее, тем тише становится песня. Но вот один сильный удар, она крепко сжимает его руку и откидывается назад.

Йенс сидит и не отрываясь смотрит на нее в свете зарождающегося утра.

Его глаза сухи. Ни одна слезинка не выдаст его страдание. Его что-то беспокоит. Что же? Наконец он понимает. Он ведь все слышал, о чем говорили дома. Они хотели прийти и убить ее.

Они не должны найти ее...

С огромным усилием он поднимается. В своих руках он несет безжизненное тело. Его глаза вспыхивают огнем, когда он видит, как израненный рыбий хвост подпрыгивает при каждом его шаге. Он идет к морю; уверенной поступью восходит на прибрежную скалу. Оттуда он сбрасывает тело в воду. Громкий всплеск — и волна уносит его...

Йенс возвращается на берег. Он слышит со стороны дюны громкие голоса сельских мужчин. Он сразу понимает: кто-то из них пьян. Ему хорошо знаком этот омерзительный хохот. Они не должны увидеть его! Йенс припадает к земле и ждет, пока процессия пройдет мимо.

В свете утренней зари он видит почти всех мужчин и мальчиков деревни с дубинками и веслами. Иные нетрезво пошатываются. Процессию возглавляет отец Йенса. Его раненая голова обмотана белым платком. В кулаке он сжимает топор. Он тоже напился. Его глаза налиты кровью. Лицо покраснело и распухло.

Наконец они удаляются. Йенс бежит прочь. Уже на полпути до деревни он слышит позади себя яростные вопли.

Йенс бежит дальше. Он должен оказаться в своей комнате до того, как все мужчины вернутся в деревню. Они не должны узнать, что произошло этой ночью.

Пробегая мимо дома пастора, Йенс видит, что все окна открыты.

Он знает теперь, что хозяйка дома умерла. Он крадет-ся вдоль стены дома — и сквозь стиснутые зубы произносит проклятье.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Три серые великанши сидят на перекрестке. Одна из них уперлась ногой в домик лесника и чешет впадинку между пальцами ступни своими костлявыми когтистыми руками. «Ху-ху», — ворчит еловый лес и отряхивается. А внутри дома лесник и его супруга дрожат под тяжестью Альпа, насылающего им кошмары. В колыбели тихо хнычет дитя.

Вторая великанша уменьшилась и вырезает большим острым ножом по деревянному изображению Христа на перепутье. Сперва она срезает длинные стружки со столба, а затем с перекладины деревянного распятия. Все это время она шепчет нараспев: «Мозоль, отек... иудейский царек...» — и, слой за слоем, срезает мягкую древесину с носа Спасителя, покуда там вообще ничего не остается. Теперь на залитом дождем лике мелькает белое пятно. Взяв нож, великанша приставляет его острием к пупу деревянного тела. Она крутит его, на манер мутовки, все быстрее и быстрее, пока не просверливает в теле боль-